

Чу Тяньцо ненавидела три вещи: собственное имя, меч Ищущий Свет в своих руках и, что хуже всего, свою старшую сестру по ученичеству — Гу Цинбай.

На пике Цанцзянь персики расцветали лишь к апрелю. Лепестки осыпались, словно разноцветный снег, создавая поистине завораживающее зрелище. Чу Тяньцо сидела на самой высокой и раскидистой ветви персикового дерева, издалека наблюдая за Гу Цинбай, чьи движения мечом превращали цветущий сад в пыль.

Та была облачена в безупречно белые одежды, прямая и статная, с холодным, словно горные снега, взглядом. Казалось, даже попади она в самое сердце вулкана, ни одна черта её лица не дрогнула бы от жара.

Лепестки персика мягки и полны нежности, но эта безжалостная женщина с помощью вспышек холодного клинка безжалостно превращала их в крошево, осыпающееся на землю. Она прекрасно видела, что Тяньцо наблюдает за ней, но не удостоила её даже мимолетным взглядом. Холодно убрав меч Разрезающий Чувства в ножны, она развернулась и ушла, словно одного факта присутствия сестры в пределах целой рощи ей было невыносимо много.

Когда наставник Миндэ вышел из своих покоев, он застал картину, ставшую привычной: лоботряску Чу Тяньцо и безупречную в своем мастерстве Гу Цинбай. Его взгляд наполнился одобрением, когда он посмотрел на вторую, но стоило ему перевести взор на первую, как брови его сурово сошлись к переносице.

— Чу Тяньцо, почему ты не упражняешься с мечом? — голос наставника прозвучал как удар грома.

Он не стал ждать ответа, лишь взмахнул рукой, и Тяньцо, подхваченная невидимой силой, полетела с дерева прямо к его ногам, подняв облако пыли. В её растрепанных волосах запуталось несколько розовых лепестков.

Гу Цинбай бросила на неё равнодушный взгляд, который уже через секунду сменился выражением глубокого презрения, свойственного тем, кто не желает иметь дела с недостойными.

— Учитель, я пойду постигать путь меча, — произнесла она, и полы её белоснежного платья, взметнувшись в изящном, отстраненном изгибе, скрылись из виду.

Тяньцо не упустила того, как быстро сменилось выражение глаз сестры, и едва заметно скривила губы, но наставник успел это заметить.

— Если бы у тебя была хотя бы треть той усидчивости, что есть у твоей старшей сестры, ты бы уже давно постигла первую ступень нашего мастерства! — Миндэ едва сдерживал гнев. — Вставай к скале и сделай две тысячи взмахов мечом.

Тяньцо, нехотя поднявшись, поплелась к краю обрыва. Она слышала эти слова последние десять лет. От былой обиды и зависти не осталось ничего — лишь привычка, выработанная ежедневными упражнениями.

— Наставник, вы каждый день учите сестру секретам бессмертных, а мне только и даете, что две тысячи взмахов. Ваше сердце давно перекосило, — пробормотала она себе под нос.

Миндэ лишь сурово сверкнул глазами:

— Сегодня сделаешь четыре тысячи.

С тех пор Тяньцо научилась прятать недовольство глубоко внутри. Лицо её могло выражать протест, но язык она прикусила. Глядя на меч Ищущий Свет, она принялась за работу, продолжая ворчать:

— Ты, железка, слеп, как крот. Мой талант ничуть не хуже, чем у Гу Цинбай, но ты бегаешь только за ней.

Наедине с собой она никогда не называла её сестрой, произнося имя с издевкой. Меч в её руках недовольно завибрировал, но Тяньцо сжала рукоять еще крепче.

— Я первая тебя нашла, а в её глазах для тебя нет места. Твой удел — быть дополнением к её холодному, как у мертвеца, лицу. Даже если ты будешь навязываться ей в качестве запасного меча, она тебя не примет.

Её слова ранили меч в самое сердце. Если бы Тяньцо не была так слаба, он бы давно принял истинный облик и устроил ей грандиозный скандал. Но сейчас, зажатый в её кулаке, он мог лишь беззвучно страдать.

Движения Тяньцо были отточены до автоматизма, даже если бы она взмахивала мечом вслепую, это выглядело бы безупречно. Но это была лишь пустая форма. Без понимания внутренней сути, без духовного отклика, её мастерство оставалось лишь красивой оболочкой, которая в реальном бою стоила гроша. Но сама она искренне верила в свою силу.

В секте Десяти тысяч мечей было пять старейшин и один глава. Миндэ был самым молодым и многообещающим из них, человеком строгих правил. С тех пор как Тяньцо попала на пик Цанцзянь, она ни разу не спускалась вниз. Она была строптива, не признавала авторитетов, и хотя формально числилась ученицей Миндэ, официальной церемонии посвящения не проходила. Впрочем, Гу Цинбай находилась в таком же положении.

В секте к выбору прямых учеников подходили крайне сурово. Достижение стадии зарождения фундамента было лишь пропуском к испытанию. Миндэ возлагал надежды на обеих, и от того, как они покажут себя через три месяца на внутреннем турнире, зависело, станут ли они

официально признанными преемницами.

Все в секте были уверены: Гу Цинбай станет ученицей без вопросов. А Чу Тяньцо... что ж, лучше бы ей не занимать место, а добровольно уйти, пока наставник не выставил её вон, опозорив перед всеми.

Хотя сама она не могла покинуть пик, до неё долетали насмешки других учениц. Тяньцо злилась. Почему они обе — ученицы на испытательном сроке, обе живут на одном пике, обе сами заключили контракт со своими мечами, но Гу Цинбай стоит на нефритовой платформе, сопровождая учителя в странствиях, а она должна гнить здесь, под градом упреков? И учитель... глядя на Гу Цинбай, он говорит: Превосходно! А глядя на неё — лишь качает головой, как будто перед ним пустое место.

Тяньцо в ярости рубанула мечом, и волна ци, сорвавшись с клинка, перебила толстую ветвь старой сосны, росшей у обрыва. Дерево, которое раньше словно приветливо махало путникам, теперь выглядело одиноким и искалеченным.

Тяньцо вдруг вспомнила, с какой гордостью наставник говорил об этой сосне. Он привез саженец с самого севера, годами ухаживал за ним, поливал духовной водой и даже вложил частицу своего сознания, чтобы дерево выросло таким статным. Сейчас он, конечно, отозвал частицу, иначе ветвь не сломалась бы.

Тяньцо испугалась, что наставник придет в ярость, если узнает. Она поспешно наложила заклинание иллюзии, чтобы скрыть повреждение, и бросилась наутек, даже забыв подобрать с земли Ищущий Свет.

Она думала: если бы это сделала Гу Цинбай, учитель лишь улыбнулся бы в ответ. Но если это сделала она, её запрут в темнице, а потом заставят ухаживать за деревом, пока не отрастет новая ветвь. Ведь наставник следует пути защиты всего живого, где каждое дерево и травинка имеют право на жизнь. А у неё впереди три месяца медитаций перед прорывом — кто станет тратить силы на сосну?

Тяньцо была уверена в своей правоте. Она вернулась в комнату, наклеила на дверь табличку Не беспокоить и отгородилась от всего мира.

Тем временем Гу Цинбай подошла к дереву, подняла Ищущий Свет и, взглянув на неумелую иллюзию, усмехнулась. Её младшая сестра была по-настоящему глупа. Подобная маскировка не только не обманула бы наставника, но и разозлила бы его еще сильнее.

Она развеяла чары сестры и наложила мощный защитный талисман, который купила совсем недавно за десять высших духовных камней. Теперь она снова осталась ни с чем. Достав из-за пазухи флакон с эликсиром, который наставник дал ей для очищения тела, Гу Цинбай влила его в корни дерева. Сломанная ветвь на глазах начала оживать, впитывая духовную энергию.

В её глазах промелькнула мягкая улыбка, но тут же погасла. На смену ей пришло досадное раздражение.

Последователи пути бесстрастия должны сначала научиться не показывать эмоций, а затем — достичь такого состояния, где границы между ними и миром стираются. Её чувства были слишком бурными. Наставник говорил, что она рождена для пути бесстрастия: холодная натура, отсутствие привязанностей, но при этом — благородное и справедливое сердце.

Те, кто выбрал путь бесстрастия, часто холодны и равнодушны, но лишь те, кто сохранил сострадание к слабым, могут достичь великого Дао. Это сострадание — то, что не дает им потерять себя.

Гу Цинбай вспомнила слова учителя и вдруг подумала, что именно её сестра, Чу Тяньцо, возможно, была бы лучшим кандидатом на этот путь. Ведь на пути бесстрастия выживают лишь те, чье сердце твердо, как сталь. А она... её доброта была её слабостью. Возможно, именно эта слабость когда-то привлекла к ней наставника, но чем дольше она практиковалась, тем яснее понимала, какой удар эта мягкость может нанести ей в будущем.

<http://bllate.org/book/18925/1851444>